

МЕТАМОРФОЗЫ ЗНАНИЯ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ»: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

Е.Н. Ищенко

Аннотация. В конце XX в. в социальных науках происходит терминологический сдвиг от «информационного общества» к «обществу знания» («капитализму знаний», «когнитивному капитализму»). В различных концепциях, обсуждающих перспективы развития общества, экономическая структура которого основывается на знаниях, особое внимание уделяется анализу противоречий и рисков. Значительная часть прогнозов перспектив общественного развития подчеркивает беспрецедентность происходящих трансформаций, затрагивающих все сферы социальной жизни.

Если вся система общественного развития концентрируется так или иначе вокруг производства и потребления знания, то трансформация традиционных способов оперирования знанием оказывается неизбежной. Концептуализация современного состояния как общества знания означает, прежде всего, переход к новой исследовательской парадигме. В её рамках ключевыми оказываются проблематизации трансформаций тех сфер, которые непосредственным образом связаны с производством и трансляцией знания. В этом контексте просветительская деятельность может рассматриваться как важнейший институт коммуникации науки и общества, исследование которого позволяет выявить изменения способов трансляции знания.

Сложившаяся в Новое время традиционная модель коммуникации науки и общества предполагала заведомо неравный доступ к знанию, его иерархизацию и вертикальную модель взаимодействия просветителей и обывателей. Цифровая революция предоставила человечеству беспрецедентную информационную открытость. В то же время поиск новых стратегий просветительства оказывается необходимым условием развития общества. Стремление приобщить большинство к знанию в современной ситуации означает пробуждение в человеке стремления к осмыслению фактов, явлений, событий, пониманию целостной картины тех или иных экономических, социальных, политических, культурных реалий. В связи с этим формирование критических компетенций, а также обучение методологии исследований оказываются необходимыми элементами новых просветительских практик.

Ключевые слова. Знание, общество знания, экономика, основанная на знаниях, просветительство, эпистемология, цифровая революция, наука и общество.

*Я знаю, как на мёд садятся мухи,
Я знаю смерть, что рыщет, всё губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю всё, но только не себя.
Ф. Вийон «Баллада примет»*

Проблема знания относится к числу «вечных» философских проблем. Осмысление бытия предполагает исследование оснований и возможностей человеческого познания. Размышления о границах, отделяющих знание от незнания, в различные исторические эпохи концептуализировались в оппозициях знание/мнение, знание/вера. Кроме того, устанавливались границы внутри самого знания. Различия в способах получения, институционализации, социальные и коммуникативные аспекты знания отражались в спектре его классификаций:

- научное и художественное;
- мистическое и обыденное;
- фундаментальное и прикладное;
- доступное и эзотерическое;
- разрешенное и табуированное.

В настоящее время на первый план выступают новые сюжеты дискурса о знании, на рассмотрении которых хотелось бы остановиться в данной статье. На первый взгляд, достижения и успехи науки в современном мире являются убедительным свидетельством, разбивающим скептические аргументы относительно недостоверности познавательных способностей человека. Между тем, возникший еще в рамках античной мысли скептицизм, который М. Вильямс метко назвал «скелетом в шкафу западноевропейского рационализма» [Williams, 2001: 5], не раз демонстрировал способность к реинкарнации. Сегодня он вновь возрождается, как Феникс из пепла. К примеру, в популярном и широко обсуждаемом концепте «пост-правды» («post-truth»).

Пожалуй, никогда прежде столь отчетливо не звучала декларация невозможности знания как некоторого контента, независимого от позиции «наблюдателя». В потоке интерпретаций различные точки зрения оказываются равноправными, а из отдельных «пазлов», как кажется,

невозможно восстановить целостную картину происходящего. Утверждение принципиального культурного релятивизма подпитывает современный эпистемологический контекст, обозначая тугой узел проблем, выводящих на различные уровни понимания. Размышляя о политических измерениях эпистемологии, Р. Леви Брайант отмечает: «Так или иначе, обе альтернативы, открывшие модерн, – Декарт и Юм, – вели к схожим на политическом уровне последствиям: индивиды наделяются правом самостоятельно определять свои формы жизни и участвовать в формировании государства, потому что либо:

а) все люди способны познавать и, следовательно, не нуждаются в особой власти или откровении для управления собой;

б) абсолютное знание недоступно для людей, и любая власть, выдвигающая знание как своё основание, оказывается противозаконным мошенником, стремящимся к контролю и манипуляции населением. <...>. В той или иной форме эта дискуссия и обе её альтернативы сохраняются вплоть до наших дней...» [Брайант Леви, 2014: 279-280].

Как нам представляется, в современной ситуации возникает принципиально новая эпистемологическая установка. Если Декарт и Юм размышляли, имея в виду некую модель должного, идеального положения дел, то теперь рассуждения о границах и возможностях познавательной деятельности происходят с позиции наличного бытия. Знание определяется, скорее всего, как некоторый социальный конструкт, доказывающий свою эффективность в тех или иных познавательных ситуациях. Следовательно, все люди оказываются равными как в возможности доступа к «знанию по запросу» благодаря современным технологиям, так и в невозможности обретения уверенности в том, что такое знание имеет отношение к объективному «положению дел». Это означает, что законность манипуляций со знанием со стороны тех или иных групп или институций оказывается приемлемой или неприемлемой в

зависимости от внешних по отношению к эпистемологическому контексту обстоятельств (принадлежности к той или иной культурной традиции, социальной страте и т.п.).

Тем самым, одна из ключевых для культуры оппозиций знание/мнение, которую сегодня принято маркировать как дихотомию знание vs. информация, подвергается фундаментальной трансформации. Констатация исчезновения границы между знанием и информацией становится одним из лейтмотивов современных дискуссий, ведущихся как в эпистемологической сфере, так и в дискурсе социогуманитарных наук. На первый взгляд, такое положение дел оказывается парадоксальным, поскольку современное состояние общества принято называть «обществом знания». В концептуальном пространстве социальных и гуманитарных наук в конце XX в. такая дефиниция (и ряд близких к ней, например «когнитивный капитализм», «капитализм знаний») возникает в рамках концепции «информационного общества».

Обратимся к известному прогнозу Ё. Масуда: «Производство информационного продукта, а не продукта материального, будет движущей силой образования и развития общества» [Masuda, 1981: 29]. По его мнению, в процессе своего развития информационное общество должно было стать бесконфликтным и бесклассовым. Прозрачность и открытость информации, достигаемые благодаря развитию информационных технологий, будут снижать уровень насилия, увеличивать степень участия граждан в решении государственных вопросов, а также способствовать стремительному повышению общего уровня просвещённости.

Однако довольно скоро в дискурсе социальных наук происходит терминологический сдвиг от «информационного общества» к «обществу знания». Появляется множество работ, посвящённых обсуждению трансформаций социальных и коммуникативных аспектов общества знания, его экономического развития и повседневных практик [Castelfranchi,

2007; Fuller, 1998; Funtowicz, 1993; Innerarity, 2012; Knoblauch, 2013; Rogers, 2003]. При всём разнообразии представленных подходов, в исследованиях, анализирующих современность и предлагающих прогноз социального развития с позиции общества знания, обнаруживаются общие тематизации и специфическая риторика, связанная с оценкой беспрецедентности происходящих трансформаций. Наряду с возрождением футуристических утопий, декларациями неизбежности киберкоммунизма, отчётливо звучат мотивы предостережения. Можно сказать, что те, кто думает в терминах общества знания, зачастую оказываются значительно реалистичней, если не сказать жёстче и пессимистичней, в своих прогнозах, нежели апологеты информационного общества.

Один из основоположников концепции «общества знания» Н. Штер обращает внимание на риски, которые заложены в этом новом состоянии: «Современные общества суть образования, которые отличаются, прежде всего, тем, что «сами производят» свои структуры, сами определяют своё будущее, а стало быть, обладают способностью к саморазрушению» [Штер, 2002: 33]. Дело в том, что новые механизмы распространения знания, стирание границ между профессионалами, экспертами и «обывателями», разрушение традиционных иерархий ведут к росту влияния «малых групп», и в перспективе могут привести к разрушению устоявшихся институциональных структур. «Освобождающий» потенциал знания, тем не менее, требует проведения новых границ, но возможность их переформатирования оказывается весьма сомнительной.

Резче и определённой звучат утверждения А. Горца: «Вследствие своих внутренних противоречий и непоследовательности, капитализм знаний представляется крайне неустойчивой, уязвимой, чреватой культурными конфликтами и социальным антагонизмом формой общественного устройства. <...> Капитализм знаний – это не капитализм, подверженный кризисам, он сам и есть

кризис капитализма, до глубин потрясавший общество» [Горц, 2010: 83]. Нельзя не отметить, что определение переформатирования ключевых общественных институций, стремительности изменений, утраты управляемости в терминах факторов риска зачастую придают прогнозам развития «общества знания» оценочный характер, ставя под сомнение их объективность и адекватность.

Так или иначе, становясь ключевым концептом, определяющим современное состояние общества, понятие знания из сферы эпистемологического и историко-научного анализа стремительно перемещается в сферу экономических и социально-политических исследований. Если вся система общественного развития концентрируется вокруг производства и потребления знания, то трансформация традиционных способов оперирования знанием оказывается неизбежной.

Наряду с политическим и идеологическим потенциалом знания, связанным с управлением его производством и распространением, возникает экономическая проблематизация. Современная экономика, основанная на знаниях, предполагает, что знание может быть товаром. Но возможно ли использование концептуального аппарата, разработанного в рамках классического понимания товарного производства, для анализа знания в новом качестве? В чем его специфика? Как определять стоимость знания?

Для А. Горца, к примеру, ответы на эти вопросы очевидны: «Знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром. Затраты на их производство зачастую трудно определить, их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание. Никто не может определить, где начинается и где кончается труд по открытию новых знаний» [Горц, 2010: 14]. Подобная ситуация порождает новые коллизии, приводящие к переосмыслению складывавшихся веками представлений о ценности знания. Стремление к познанию, расшире-

нию границ смыслового пространства как одна из фундаментальных установок культуры предполагала принципиальную несоизмеримость интеллектуальных и духовных усилий, с одной стороны, и их непосредственного или косвенного влияния на трансформации социальной реальности, с другой.

В современной ситуации менеджмент и маркетинг знаний, при всей расплывчатости формулировок их предметных областей, предполагают возможность введения достаточно жёстких и однозначных критериев оценки познавательной деятельности. Между тем, подобная задача в такой редакции прежде никогда не ставилась ни перед учёными, ни перед обществом. С одной стороны, наиболее очевидным способом измерения ценности тех или иных знаний с учётом возможности перевода их в цифровую реальность оказывается введение прозрачных и измеряемых показателей. При этом из сферы производства и потребления знания такой подход стремительно проникает в сферу культуры.

Размышляя о содержании и трансформациях концепта «наука без границ», М.В. Силантьева точно выявляет его «уязвимое звено», связанное с односторонней трактовкой идеи «подлинного знания» как основанного на расчёте, следовательно, потенциально формализуемого. Как она справедливо утверждает, «... «немашинное» мышление представляет собой социально значимый феномен, имеющий место и в технологически продвинутых культурах. Его утрата значительно обеднит «культурный генофонд» всего человечества» [Силантьева, 2017: 73]. Исключение или трансформация целых пластов знания из культурного оборота приведёт к истончению сферы смыслов, исключению из значимого контекста размышлений, затрагивающих субъективный мир человеческого бытия.

Как нам представляется, концептуализация современного состояния как общества знания означает, прежде всего, переход к новой исследовательской парадигме, выявляющей точки роста «знания

о знании». В её рамках ключевыми оказываются проблематизации трансформаций тех сфер, которые непосредственным образом связаны с производством и трансляцией знания. В этом контексте просветительская деятельность может рассматриваться как важнейший институт коммуникации науки и общества, исследование которого позволяет выявить изменения способов трансляции знания, концептуальных оснований его бытования в сфере различных социальных практик. В этом исследовательском кейсе отражаются поиски ответов на вызовы современной ситуации, позволяющие проследить историческую динамику способов и форм коммуникации науки и общества, а также обозначить стратегии развития новых форматов просветительской деятельности.

Выявление исторических аналогий, позволяющих определить становление просветительства как социокультурного феномена, одного из важных способов построения коммуникации между наукой и обществом, даёт возможность настроить исследовательскую оптику для более адекватного определения масштаба происходящих сегодня трансформаций. Возникновение классической науки, а также революционные изменения общественного устройства в Новое время являются той точкой отсчёта, которая позволяет увидеть происходящее сегодня в более широком историческом контексте. Научная революция породила специфическую модель коммуникации науки и общества, которую социологи М. Букки и Б. Тренч называют «моделью дефицита» [Bucchi, 2016: 154-155].

Анализируя английскую культуру раннего Нового времени, И. Лисович отмечает, что в эту эпоху «...ученые переориентируются на публичность, утилитарность и открытость научных достижений для людей и социальных групп, не принадлежащих к учёным и институциям, которые производят, транслируют и сохраняют знание. В это время складываются и английские научные институты, специфика которых связана с самоуправлением (несмотря

на патронаж) и принципиальной ориентацией на открытый доступ к научной информации» [Лисович, 2015: 12]. Становление процесса коммуникации науки и общества постепенно приводило к смене культурного кода, запуская механизм переосмысления границ и возможностей человеческого познания. Просветительство способствовало формированию ценности знания не как герметичного достояния элиты, но как общественного блага, понимаемого при этом не только в утилитарном смысле.

Философский, научный и художественный дискурсы в это время получают новое пространство пересечения, связанное с осмыслением науки как важной части культуры. Кстати, именно в это время открывает свои возможности визуализация как один из путей достижения просветительских целей. «Визуальные практики, которые позволяли увидеть уникальное более чем одному человеку и тем самым удостоверять его существование, были свидетельством достоверности знания, основанного не на авторитете, а на экспериментальной науке и доказательстве посредством опыта» [Лисович, 2015: 126]. Открытость научного знания взгляду широкого круга «непосвящённых» в определённом смысле стала провозвестником «визуального поворота» современной культуры. Ситуации, в которых наука приоткрывала завесу тайны, делилась своими успехами и достижениями, формировали специфические практики просвещенческой деятельности. Использование театрализации, эффектных приёмов визуализации добытых наукой истин способствовало привлечению представителей различных слоёв общества, обеспечивало процесс присвоения знания, наполнения его личностными смыслами. В то же время таким путём в общественном сознании устанавливалась закрепившаяся на долгое время иерархическая модель знания, пропитанная духом сциентизма.

Сложившиеся в это время традиционные стратегии просветительства предполагали заведомо неравный доступ к знанию. В современной ситуации взаи-

модействие «просвещенного меньшинства» и «необразованного большинства» оказывается нерелевантной. Вопрос о том, почему один человек знает больше, нежели другой, сегодня уже не выглядит столь наивным, как еще десятилетие назад. Цифровая революция предоставила человечеству беспрецедентные возможности для достижения информационной открытости. Содержимое архивов, статистические справки, коллекции артефактов, книги, статьи, фото- и видеоматериалы, страницы из социальных сетей составляют стремительно пополняющийся контент цифрового пространства. Эта среда представляет собой новую реальность обитания современного человека. Перемещение человеческой деятельности в пространство современных медиа особым образом сказывается на взаимодействии науки и общества, приводя к возникновению новой версии скептицизма.

Различие в точках зрения на один и тот же предмет или явление, отсутствие определённости в сознании научного сообщества являются естественными условиями развития познания, поиска истины. Исторически сложившийся этос науки включает в себя критицизм и сомнение как важнейшие составляющие самосознания научного сообщества. В то же время в пространстве социального такое «масштабирование» приводит «обывателя» к убеждению в том, что наука в принципе не способна достигнуть консенсуса по тем или иным вопросам. Тем самым, монополия науки на получение достоверного знания подвергается социальной эрозии.

Однако не только специфические свойства цифровой среды оказывают влияние на коммуникацию между «знающими» и «непросвещёнными». Воплощённая возможность существования знания вне человеческой субъектности, генерирование знания при помощи различных программ, расширение сферы «аутсорсинга» оперирования со знанием в цифровой среде порождает феномен его отчуждения. Как трансляция, так и порождение нового знания из важней-

ших областей деятельности социальных институций перемещаются в разряд формализованных и автоматизированных процедур. В этом смысле цифровое равенство из великого блага цивилизации превращается в фактор риска, разрушающий иерархию структуры знания. Очевидно, граница между «просветителями» и «просвещаемыми» всё более и более проблематизируется.

Как нам представляется, в сложившейся ситуации фигура «посредника», медиатора между наукой и обществом оказывается в довольно двусмысленном положении. С одной стороны, просветительство оказывается востребованным самим научным сообществом. На это его новое измерение одним из первых обратил внимание Ю. Хабермас: «Чем дальше специализируются исследования, тем большее расстояние должна преодолеть важнейшая информация для того, чтобы влиться в работу экспертов из других научных дисциплин <...> Внешняя для науки общественность оказывается при глубоко разделении научного труда самым коротким путём внутреннего общения отчуждённых друг от друга научных специалистов» [Хабермас, 2007: 161-162]. На самом деле, усложнение знания, институциональные трансформации приводят к его фрагментированию, разрушению системного характера взаимодействия внутри самого научного сообщества. Использование новых коммуникативных площадок оказывается важным способом «сшивания» собственно научного дискурса.

С другой стороны, цифровая реальность начинает диктовать собственные законы, в соответствии с которыми могут и должны происходить различные коммуникативные практики, в том числе связанные с получением знания. К примеру, благодаря поисковым системам сегодня можно получить любое «знание по запросу», как представляется на первый взгляд, не прилагая к этому никаких специальных усилий. Доступность и прозрачность современной цифровой среды не только предоставляют грандиозные возможности для самообразования, но

приводят к некоторым не столь очевидным последствиям. Если прежде мечтой любого просвещённого человека был ключ от «всемирной библиотеки», то сегодня ему требуется скорее спасательный круг в океане информации.

Как справедливо отмечает Ю. Стракович, «...ту же самую единицу времени человек цифровой эпохи пытается заполнить всевозрастающим количеством информации, всё больше внимания уделяет её объёму и скорости передачи и все меньше – как следствие, – её осмыслению» [Стракович, 2014: 266]. Процесс получения знания, требующий личных усилий, сложной внутренней работы по кропотливому наполнению субъективного смыслового пространства уступает место воспроизведению разрозненных данных. Нельзя не отметить и такой характерный для цифровой эпохи феномен как «многозадачность» (multitasking). Необходимость обработки индивидуальным сознанием множества данных, которые представлены как в вербальной, так и аудиовизуальной форме, приводят к трансформациям человеческого восприятия.

В такой ситуации просветительство сталкивается не с «дефицитом», а с «переизбытком» знания, бросающим вызов способностям человека и к его усвоению, и к порождению нового. Наиболее уязвимыми в такой ситуации оказываются социальные и гуманитарные науки. Политические и идеологические измерения социогуманитарного знания выходят на поверхность, а его сложность, историчность, контекстуальность, смысловая наполненность, сопряженность с пониманием и ценностями, оказываются «вынесенными за скобки». Перемещение в цифровую среду, медиатизация результатов такого рода исследований затрудняет, а не облегчает возможности их проверки. Цифровые копии документов представляют собой факты, вырванные из историко-культурного контекста, поскольку являются всего лишь некоторыми данными. От способов их обработки целиком и полностью зависит тот «продукт», который наделяется статусом «доверенного», «очевидного» знания.

Трудно не согласиться с точным замечанием И.Т. Касавина по поводу современной ситуации: «Познающий субъект настолько пленён сообщениями, поступающими отовсюду, что практически утратил всякую когнитивную автономию и шансы на критическую рефлексию» [Касавин, 2013: 7]. Более того, с позиции экономики общества знания потребитель и не должен обладать этими качествами. Чем более доверчивым он будет, тем быстрее произойдет его встреча с такими феноменами современной культуры, которые исследователи обозначают как поп-наука [Флиер, 2013], поп-психология [Юревич, 2007], поп-шекспироведение [Funtowicz, 1993] и т.п. Попадая в медийное пространство, научные знания начинают транслироваться и интерпретироваться по тем правилам, которые оказываются чуждыми самой науке. К примеру, В.С. Макаров предлагает различать поп-шекспироведение и популярное шекспироведение, которое «доступно рассказывает о последних достижениях мировой гуманитарной науки, оставаясь в рамках исключительно научного – с его требованиями к логическому построению системы аргументов и т.д.» [Funtowicz, 1993: 217].

В то время как поп-шекспироведение эксплуатирует эмоциональную сферу восприятия читателя/зрителя, манипулятивный потенциал поп-науки раскрывается в формировании потребительского отношения к знанию. Стоит отметить, что феномен «поп-науки» развивается в странах с разным менталитетом и традициями. Как нам представляется, его распространению способствуют именно современные медиа, вносящие унификацию и универсализацию в способы трансляции и представления знаний. Приобщение к знанию становится одним из способов социально поощряемого развлечения, приводя к упрощению культурных достижений и примитивизации «просветительских» нарративов.

В то же время, просветительские проекты, представленные в цифровой среде, демонстрируют её возможности. С одной стороны, интерактивность, широкий

спектр способов проверки полученных знаний, а также использование игровых элементов и визуализации вызывают интерес у аудитории. Одним из принципиально важных оказывается вопрос о том, насколько знакомство со знанием без учёта образовательного бэкграунда пользователя приведёт к просветительскому эффекту. В связи с этим обратная связь для подобных просветительских проектов оказывается как способом формирования целевой аудитории, так и одним из путей становления новой диалогичности.

Между тем, одной из успешных современных просветительских стратегий может стать погружение традиционных способов популяризации, обладающих системностью и учитывающих уровень образования потенциального читателя/зрителя/слушателя, в медиасреду, органично использующую мультимедальный контент. Особую роль в такой ситуации играет знакомство с методологией исследований, поскольку именно *путь к знанию* оказывается не менее, а зачастую более важным, нежели знание, вырванное из контекста. Формирование представлений о наличии различных методологических программ оказывается особенно важным для знакомства с социогуманитарным знанием. В современной ситуации подобное просвещение даёт возможность самостоятельной работы с истолкованием, пониманием, интерпретацией.

Нельзя не отметить, что в цифровой среде происходят процессы демассификации, связанные с таргетированием индивидуального информационного «коридора». В такой ситуации потенциально может оказаться любой человек, становясь заложником истории собственных запросов. В условиях перехода

к новой модели взаимодействия науки и общества просветительство оказывается важнейшим способом торпедирования искусственно устанавливаемых информационных границ, фрагментированности индивидуального сознания. Расширение рефлексивного пространства сознания современного человека оказывается сверхзадачей нового просветительства, адекватного вызовам времени.

В заключение следует подчеркнуть, что современные реалии «общества знания», во много сформированные цифровой революцией, представляют собой качественно новый вызов, самым непосредственным образом затрагивающий сферу образования и просвещения. Состязание с цифровой средой, в которой наряду с множеством информации, не представляющей никакой познавательной ценности, хранится знание, требует от просветителей совершенно новых компетенций. Готовность к переменам и рефлексия по поводу практик «миграции» в цифровую среду оказываются необходимыми условиями успешности новых просветительских стратегий.

В этом контексте формирование критических компетенций у той целевой аудитории, которую хотят просветить, является, пожалуй, одной из наиболее важных задач. Более того, именно такая задача напрямую вытекает из самой сути Просвещения. Стремление приобщить большинство к знанию означает не только буквальное обеспечение его доступности (чего с успехом добилось современное общество благодаря развитию информационных технологий), но пробуждение в человеке стремления к осмыслению фактов, явлений, событий, пониманию целостной картины тех или иных социальных, политических, культурных реалий.

Список литературы:

Брайант Леви Р. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос. 2014. № 4 (100) С. 276-292.

Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 208 с.

Касавин И.Т. Источники знания: проблема «testimonial knowledge» // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXV. № 1. С. 5-15.

Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 440 с.

Макаров В.С. Поп-шекспироведение: к постановке проблемы // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 216-230.

Силантьева М.В. Проблема границ современной науки: культура и дипломатия // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 4. С. 67-77.

Стракович Ю. Цифролюция. Что случилось с музыкой в XXI веке. М.: Издательский дом «Классика- XXI», 2014. 352 с.

Флиер А.Я. Поп-наука: между познанием и развлечением // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 32-44.

Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М.: Праксис, 2007. 208 с.

Штер Н. Мир из знания // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 31-35.

Юревич А.В. Поп-психология // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3-14.

Bucchi M., Trench B. Science Communication and Science in Society: A Conceptual Review in Ten Key-words // Tecnoscienza. Italian Journal of Science & Technology Studies. 2016. № 7 (2). P. 151-168.

Castelfranchi C. Six critical remarks on science and the construction of knowledge society // Journal of Science Communication. 2007. Vol. 4. № 6. P. 1-3.

Fuller S. Society's Shifting Human-Computer Interface: A Sociology of Knowledge for the Information Age // Information, Communication and Society. 1998. № 1. P. 182-198.

Funtowicz S.O., Ravetz J. Science for the post-normal age // Future. 1993. № 3 (7). P. 739-755.

Innerarity D. Power and knowledge: The Politics of Knowledge society // European Journal of Social Theory. 2012. Vol. 1. № 16. P. 3-16.

Knoblauch H. PowerPoint, Communication and the Knowledge Society. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2013. 265 p.

Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. Bethesda, MD: World Future Society, 1981. 171 p.

Rogers E.M. Diffusion of Innovations. 5th ed. N.Y.: Free Press, 2003. 576 p.

Williams M. Problems of Knowledge: a Critical Introduction to Epistemology. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2001. 288 p.

Об авторе:

Ищенко Елена Николаевна – д.филос.н., профессор кафедры онтологии и теории познания, факультет философии и психологии, Воронежский государственный университет. 394 006 Россия, Воронеж, Университетская пл., 1. Область научных интересов: современная эпистемология, философские проблемы социогуманитарных наук. E-mail: phil@elena.vsi.ru.

METAMORPHOSES OF KNOWLEDGE IN KNOWLEDGE SOCIETY: NEW ENLIGHTENMENT STRATEGIES

E.N. Ishchenko

Abstracts. *At the end of the twentieth century social sciences are terminologically shifted from "information society" to "knowledge society" ("capitalism of knowledge", "cognitive capitalism"). Vari-*

ous scientists pay a special attention to the analysis of contradictions and risks when discussing the prospects for the development of society with the "knowledge-based economy". Much of the prospects for social development underscore the unprecedentedness of transformations affecting all social spheres.

If the system of social development, one way or another, concentrates around the production and translation of knowledge, the transformation of traditional methods of knowledge operating is inevitable. Therefore conceptualization of the contemporary society is associated with the transition to a new research paradigm. Main issues are called transformations of the institutes and phenomenon which are directly related to the production and translation of knowledge. This way, enlightenment activities can be considered as the most important institution for communication between science and society, which study allows us to identify changes in the ways of knowledge translation.

The traditional model of communication between science and society that has developed in the Modern Era presupposed an unequal access to knowledge, hierarchy of knowledge and the vertical model of interaction between popularizers and other people. The digital revolution has given humanity unprecedented opportunities of information openness. At the same time, the search for new strategies of enlightenment is a necessary condition for the development of contemporary society. Contemporary enlightenment means the awakening in a person of the desire to comprehend facts, phenomena, events, understanding of the integral picture of certain social, political, cultural realities. In this regard, the formation of critical competencies and training in research methodology are necessary elements of new enlightenment practices.

Key words. knowledge, knowledge society, knowledge-based economy, enlightenment, epistemology, digital revolution, science and society.

References:

Braiant Levi R. Na puti k okonchatel'nomu osvobozhdeniiu ob"ekta ot sub"ekta [Towards a Finally Subjectless Object]. *Logos - Logos*, 2014, no. 4 (100), pp. 276 – 292 (In Russian).

Gorts A. *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [L'immatériel. Connaissance, valeur et capital]. Moscow, Publishing house of the state University of Higher school of Economics, 2010. 208 p. (In Russian).

Kasavin I.T. Istochniki znaniia: problema «testimonial knowledge» [Sources of Knowledge: The Problem of Epistemic Testimony]. *Epistemologiya i filosofiya nauki - Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, Vol. XXXV, no 1, pp.5-15 (In Russian).

Lisovich I.I. *Skal'pel' razuma i kryl'ia voobrazheniia: Nauchnye diskursy v angliiskoi kul'ture rannego Novogo vremeni* [The Scalpel of Reason and the Wings of Imagination: Scientific Discourse in English Culture in the Early Modern Era]. Moscow, HSE Publ., 2015. 440 p (In Russian).

Makarov V.S. Pop-shekspirovedenie: k postanovke problemy [Pop- Shakespeare Studies: Towards a Definition]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no 2, pp. 216-230 (In Russian).

Silant'eva M.V. Problema granits sovremennoi nauki: kul'tura i diplomatiia [The Problem of Contemporary Science Boundaries: Culture and Diplomacy]. *Kontsept: filosofiya, religiia, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2017, no 4, pp. 67-77 (In Russian).

Strakovich Iu. *Cifroljucija. Chto sluchilos' s muzykoy v XXI veke* [Digital Revolution. What Happened to the Music in the 21th Century]. Moscow, Publishing house «Klassika- XXI», 2014. 352 p. (In Russian).

Flier A. Ia. Pop-nauka: mezhdru poznaniem i razvlecheniem [Pop Science: between Cognition and Entertainment]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. - Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no 1, pp. 32-44 (In Russian).

Habermas J. *Technik und Wissenschaft als «Ideologie»*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1968. 169 p. (Russ. ed.: Khabermas Iu. *Tekhnika i nauka kak ideologiya*. Moscow, Praksis, 2007. 208 p.)

Stehr N. My world of knowledge. Available at: <http://zeppelin-university.academia.edu/NicoStehr/Papers> (accessed 30 March) (Russ. ed.: Shter N. *Mir iz znaniia. Sotsiologicheskii zhurnal*, 2002, no 2, pp. 31-35).

Iurevich A.V. Pop-psikhologiya [Pop Psychology]. *Voprosy psikhologii - Issues of Psychology*, 2007, no 1, pp. 3-14 (In Russian).

Bucchi M., Trench B. Science Communication and Science in Society: A Conceptual Review in Ten Keywords. *Tecnoscienza. Italian Journal of Science & Technology Studies*, 2016, no 7 (2), pp. 151-168.

Castelfranchi C. Six critical remarks on science and the construction of knowledge society. *Journal of Science Communication*, 2007, Vol. 4, no. 6, pp. 1-3.

Fuller S. Society's Shifting Human-Computer Interface : A Sociology of Knowledge for the Information Age. *Information, Communication and Society*, 1998, no. 1, pp. 182-198.

Funtowicz S.O., Ravetz J. Science for the post-normal age. *Future*, 1993, no. 3 (7), pp. 739-755.

Innerarity D. Power and knowledge: The Politics of Knowledge society. *European Journal of Social Theory*, 2012, Vol. 1, no. 16, pp. 3-16.

Knoblauch H. *PowerPoint, Communication and the Knowledge Society*. Cambridge, MA, Cambridge University Press, 2013. 265 p.

Masuda Y. *The Informational Society as Post-Industrial Society*. Bethesda, MD, World Future Society, 1981. 171 p.

Rogers E.M. *Diffusion of Innovations*. 5th ed. New York, Free Press, 2003. 576 p.

Williams M. *Problems of Knowledge: a Critical Introduction to Epistemology*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2001. 288 p.

About the Author:

Elena N. Ishchenko – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy and Psychology, Voronezh State University. Russia, 394 006 Voronezh, Universitetskaya pl., 1. Research Interests: Contemporary Epistemology, Philosophical Problems of Humanities and Social Sciences. E-mail: phil@elena.vsi.ru.